

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА №4»

СЦЕНАРИЙ
литературно-музыкальной гостиной
«А зори здесь тихие...»
(по мотивам повести Б.Л. Васильева)

Разработала:
зам.директора по ВР
Бурцева Е.В.

Цель: воспитание у учащихся чувства самопожертвования, патриотизма, чувства гордости за свою страну, победившую фашизм.

Задача: показать методику организации и проведения театрализованного представления.

Действующие лица:

Ведущая –

Васков –

Женька Комелькова –

Рита Осянина –

Лиза Бричкина –

Соня Гурвич –

Галя Четвертак –

Полина Егоровна –

ДЕЙСТВИЕ 1. Вступление.

Васков, Полина Егоровна

Слева от зрителей – коробка. На ней сидит Полина Егоровна, вышивает. Справа возле коробки – Васков, пишет рапорт

Вед: Дорогие друзья, сегодня в нашей литературно-музыкальной гостиной мы обращаемся к произведению, в котором затронута глубоко волнующая всех нас проблема — проблема войны.

В повести «А зори здесь тихие» писатель Борис Васильев описывает жизнь и гибель пяти девушек-зенитчиц, которые пришли на войну по собственной воле. Почти не умевшие стрелять, они погибают от рук фашистской разведки, защищая себя и Родину.

Женщины и девушки, совсем юные и молодые... Война не ставит границ возраста и пола, на войне все и каждый — солдат.

В своих героях автор показывает разные типы людей и их поведение. Васильев не просто писатель, а писатель-психолог. И этому он учился не по книжкам, а сама жизнь его научила, точнее, научила война.

Мы хотим, чтобы по окончании постановки в нашей литературно-музыкальной гостиной каждый в очередной раз задумался о войне с ее бессмысленностью и ее страшными последствиями.

...Шел май 1942 года. На западе обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и Мурманскую дорогу; на севере шла ожесточенная борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград.

(звучит мелодия «Тема коменданта Васкова»)

А здесь был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной. Три дня они отсыпались, на четвертый начинались чьи-то именины...

(идет в сторону Васкова) Комендант разъезда, хмурый старшина Васков писал рапорты по команде. Когда число их достигало десятка, начальство вкатывало Васкову выговор и сменяло опухший от веселья полувзвод. С неделю после этого комендант кое-как обходился своими силами, а потом все повторялось, да так точно, что старшина в конце концов

приладился переписывать прежние рапорты, меняя в них лишь числа да фамилии.

Васков (ходит, раздумывает): Вопрос сложный... Два отделения – это ж почти двадцать человек непьющих. Фронт перетряси – и то сомневаюсь... Где он найдет таких...

Полина Егоровна: Найдет... Пойдем, Федот, я тебе чайку согрею!
Уходят. Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ 2. Зенитчицы приехали

(появляются девушки, хохочут, ведут разговоры)

На сцену выбегает Полина Егоровна, кричит в обе кулисы.

Полина Егоровна (с усмешкой): Федот Евграфыч! Зенитчики прибыли!

Федот Евграфыч (с арьер-сцены): С командиром прибыли?

Полина Егоровна: Не похоже! *(обращается к девушкам)* Стройтесь, стройтесь, девочки!

Девочки, смеясь и хихикая строятся

Федот Евграфыч (в это время): Это хорошо! Власть делить – хуже некуда! Ну где там, это чудо природы? Прикажи им строиться, Полина Егоро...

(выходит из-за кулис, еще стоя за ними, обомлел).

Федот Евграфыч: ...вна...

(Спускается вниз, к ступенькам, теперь уже точно понимает, что перед ними девочки. Издает какие-то непонятные звуки, пытается помочь себе жестами, но ничего сказать толком не может.

Девочки внимательно, с интересом его начинают оглядывать, надменно и с усмешками. Перешептываются, тут же толкают друг друга в бок, говоря как бы: «некрасиво».

Одна выходит вперед.)

Осянина: Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного зенитно-пулеметного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта.

Васков (начиная отходить от шока, проводит ладонью по мокрому лбу): Н-нашли значит...непьющих... *(проходит вправо)* Ну.. что ж... Из расположения без моего слова ни ногой... ясно вам?

Бричкина: Даже за ягодами?

Комелькова: А щавель собирать можно? Нам без приварка трудно... *(втянув живот)* Отощаем...

Васков (распаляясь): Не дальше речки! Аккурат в пойме прорва его! Вон там жить будете. Не гостиница, конечно, ну да и вы не на курорте...

Рита Осянина (серьезно): Мы слыхали, прежние солдаты от тишины да безделья здесь млели.

Галя Четвертак (с сарказмом): Да. У вас-то есть чем заняться? Не то Осянина хотела в кино прогуляться!

Девочки хохочут.

Осянина (раскрасневшись от злости): Замолчи, Четвертак!

Васков: Налеты немцы прекратили, но кружат над разъездом ежедневно. Все! Свободны!

Осянина: Напрааво. Шагом марш!

(девушки уходят)

Полина Егоровна (Федоту): Да будет вам, Федот Евграфыч. Они Вас стариком величают, я слыхала. Так что ведите себя соответственно. А девоньки хорошие. Осянина эта – вдовая... За лейтенантом замужем была, да только погиб он на второй день войны. А Четвертак шутливая такая...да врать любит. Мы когда чай пили, чего только не наговорила.

Федот Евграфыч: Вы уже и чай пили?

Полина Егоровна: Ой, Федот Евграфыч, каша выкипит! Побегу!

Убегает.

Федот Евграфыч зло смотрит ей вслед.

Хочет уйти, не успевает.

Комелькова (из-за кулис): Рита, Галка, в караул! Рита – разводящая!

Четвертак: Я не хочу, я вчера была!

Васков (бормочет): Тьфу ты, солдаты

(под мелодию «Тема Лизы Бричкиной» выходит ведущая)

Ведущая: Да, спокойно служилось старшине Васкову до тех пор, пока для охраны объекта на разъезд не прибыли зенитчицы – стайка шумных и задиристых девах, которые ночами азартно лупили из всех стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем разводили бесконечные постирушки... И не знал старшина Васков, что директива имперской службы СД за номером С219/702 с грифом «Только для командования» уже подписана и принята к исполнению... А зори здесь были тихими-тихими...

Выбегают Кирьянова, Четвертак, Бричкина на сцену с тазиком, где белье. Лиза, увидев старшину, всхлипывает.

Комелькова: Держите, девчонки, веревку, растягивайте!

Вешают одежду.

Васков: Это что? Демаскирует!

Четвертак: А есть приказ!

Васков: Какой такой приказ?

Четвертак: Соответствующий! В нем сказано, что военнослужащим женского пола разрешается сушить белье...

(хором с Комельковой) на всех фронтах!

Хохочут, Лиза виновато улыбается. Убегают, роняя сорочку. Лиза останавливается, чтобы извиниться перед Васковым, но девушки утаскивают ее за собой.

Четвертак (за кулисами): Девчата, 1:0 в пользу нас! Айда загорать!

Слышен всеобщий смех.

Выходит, оглядываясь, Полина Егоровна.

Полина Егоровна: Все веселятся, зенитчицы твои. (всплеснув руками)
Васков (П.Е.): Ты понимаешь, Полина Егоровна... Разрешения у них на все... От командующего, говорят..лично. А меня они, значит, ни во что не ставят, хоть пашу в три ручья.

(уходят. На сцене стоп-кадр: Лиза Бричкина с цветком в руках)

Ведущая: Лиза Бричкина... Она почти никогда не плакала, потому что была одинока и привыкла к этому, и теперь ей больше всего на свете хотелось, чтобы ее пожалели. Чтобы говорили ласковые слова, гладили по голове, утешали и — в этом она себе не признавалась — может быть, даже поцеловали. Но не могла же она сказать, что последний раз ее поцеловала мама пять лет назад и что этот поцелуй нужен ей сейчас как залог того прекрасного завтрашнего дня, ради которого она жила на земле...

(Лиза уходит)

песня Щербатый месяц

ДЕЙСТВИЕ 3. Девочки в казарме.

Расположение, казарма девочек. Девочки лежат.

Четвертак сидит, прислонившись к стене. Слева полулежит Кирьянова. Справа с открытым ртом слушает Бричкина. Лицом к зрителям справа на аван лежит, свернувшись в клубочек, смотрит далеко вперед с ненавидящим взглядом Осянина.

Четвертак: Девочки... вот у меня жених был... с Заполярья..

Девочки (не верят) :у... ничего себе!

Лиза (верит): Правда?

Четвертак: Ага! Он прилетел ко мне однажды... И говорит: а полетели-ка, Галка, со мной! Я тебе тундру покажу!

Лиза: аах!

Галка: Но меня, конечно, мама, медицинский работник, не отпустила. Сказала: замерзнешь, лекарств там нет, кто лечит тебя будет, сиди дома, в тепле.

Девочки хихикают.

Осянина (приподнимаясь): Спать! (Четвертак) Еще услышу о глупостях – настоишься на часах вдоволь!

Девочки обиженно замолкают.

Комелькова: Зря, Ритуха... Пусть себе болтают – занятно...

Осянина: Пусть влюбляются – слова не скажу! А так, лизаться по углам – этого я не понимаю!

Комелькова: Пример покажи...

Осянина молчит.

Четвертак (шепотом): Девчонки... А Бричкина-то наша... поглядите на нее! втюрилась!

Все смеются, хихикают.

Бричкина: Неправда! Неправда!

Комелькова: В душку военного! Ну что, Лиза, понравился старшина?

Бричкина: Да отвяжитесь вы все! Пристали! (встает, хочет уйти)

Осянина вскакивает, успокаивает ее, сажает.

Осянина: Ну сядь, сядь.. (*громко*) А вы не трожьте ее!

Лиза (утирая слезы): Мы на кордоне совсем одни жили. Отец лесник был. Мне мама всегда говорила: «Ты верь, доченька, верь, может, и придет твое счастье-то, не обойдет тебя стороной». К нам однажды папин знакомый приехал – тоже лесник. Он пожил да обратно отчалил. А по весне открытку прислал: «Тебе надо учиться, Лиза. В августе приезжай в город, устрою в техникум с общежитием». Это в прошлом, сорок первом году было.

Патефон заводит.

Комелькова: А помните, как танцевали?

Начинают танцевать

Осянина (задумчиво глядя вперед): Ты верь, Лиза, обязательно верь. Может, и верно говорят: счастье-то рядом ходит. И придет оно к тебе завтра. Только обратной дороги к нему нет.

Стихотворение «Жди меня» - Соня Гурвич, на заднем плане девочки танцуют в парах.

Внезапно – СИРЕНА БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Васков: БОЕВАЯ ТРЕВОГА, БОЕВАЯ ТРЕВОГА!

Девчонки встревожились.

Комелькова: За мной – живо! Оружие наготове!

Все громыхают, девчонки убегают за кулисы, хватают каски, передают винтовки, стаскивают коробки. Идет бой.

(На экране кадры боя из кинофильма)

ДЕЙСТВИЕ 4. Рита и Женька.

Ведущая: Рита держалась особняком: в отделении у нее были сплошь девчонки-комсомолки. Не то чтобы младше, нет: просто — зеленые. Не знали они ни любви, ни материнства, ни горя, ни радости, болтали о лейтенантах да поцелуйчиках...

Перед маем расчету досталось: два часа вели бой с юркими «мессерами». Немцы заходили с солнца, пикировали на счетверенки, плотно поливая огнем. И у каждой из них был свой счет, своя история...

Рита выходит на сцену, садится на ступеньки, кутается в платок, достает из кармана фотографию, рассматривает ее, улыбается, поглаживает фото.

На сцену выходит, ухмыляясь, Женька. Насмешливо поднимает брови, смотрит на Риту.

Женька подходит ближе.

Женька: Ты зачем от награды отказалась?

Рита (*поспешно прикрывает руку с фотографией платком, оглядывается, угрюмо*): У меня свой личный счет имеется.

Женька (издеваясь): Ишь ты, какие мы самостоятельные!

Рита: Не могу я понять некоторых.

Женька: Меня, что ль?

Рита: Да хоть бы тебя.

Пауза.

Женька: Ага... доложили уже. (*громко*) Ну давай, воспитывай! Сейчас будешь воспитывать или уж потом, после отбоя?

Рита (*сквозь зубы*): У меня был муж, Женья.

Женька (*распалившись, с удовольствием*): Отбил кто-нибудь? (*с силой*) А ты не жалуйся, я не пожалею!

Молчание. Женька, словно что-то осознав, меняется в лице, боясь ответа, Рита поднимает голову.

Рита (*смотря вдаль в зал, не сразу, тихо*): Не отбили. А убили. 24 июня. (*пауза. Женька тяжело дышит, молчит. Рита протягивает Женьке карточку*) А у меня сын остался. Аликком зовут. Альбертом.

Женька смотрит на карточку, улыбается уголками губ, протягивает ее Рите. Внезапно с силой сжимает ее плечо и быстро отходит на аван. Замедляет шаги, смотрит вдаль.

Женька: Счастливая ты... А у меня никого. Маму, братишку, сестренку – всех из пулемета уложили.

Рита: Обстрел был?

Женька: Нет, расстрел. Семьи комсостава захватили и...под пулемет. А меня эстонка в доме напротив спрятала, и я все видела... Сестренка последней упала, специально добивали.

Молчание.

Женька (*усмехаясь, но уже по-доброму*): Опять убежишь сегодня?

Рита резко останавливается, поворачивается.

Рита (*удивленно, испуганно*): Откуда...

Женька (*обрывает*): Не беспокойся, девчонки ночью крепко спят, это мне не спалось сегодня. А ты сапогами потише греми, а то самого (*поднимает палец высоко вверх, издевается*) старшину разбудишь!

Рита неловко улыбается.

Женька (*берет ее за руки*): А вообще, завралась ты, мать! Налетишь на патруль, или командир какой остановит и соришь!

Рита: Молчи, Женька, я везучая. Только... (*качает головой*)

Женька: Да не скажу я никому, младший сержант Осянина! (*с упрехом-издевкой*) Вот она, дисциплина во взводе!

Рита: Да ну тебя! (*смеясь, убегает, возле кулис, приглушенно: Ты – могила!*)

Женька (*отдавая честь*): Так точно!

Женька читает стихотворение.

Рожденные в годы глухие
Пути не помня своего.
Мы – дети страшных лет России-
Забывать не в силах ничего..
выходит Васков.

Васков: Кому читаешь-то?

Женька: Никому. Себе.

Васков: А что ж в голос?

Женька: Так ведь – стихи.

Васков: В голос все-таки не читай. Зори здесь тихие, и потому слышно аж за пять верст..

уходят

песня «А зори здесь тихие-тихие...»

ДЕЙСТВИЕ 5. Немцы в лесу.

(Звуки леса)

Ведущая: Эти возвращения Рита любила больше всего. Опасность попасться на глаза патрулю была уже позади, и теперь можно было спокойно шлепать босыми ногами по холодной до боли росе, забросив связанные сапоги за спину. Шлепать и думать о свидании, о жалобах матери и о следующей самоволке. И оттого, что следующее свидание она может планировать сама, не завися или почти не завися от чужой воли, Рита была счастлива. Но шла война, распоряжаясь по своему усмотрению человеческими жизнями, и судьбы людей переплетались причудливо и непонятно.

А зори здесь были тихими-тихими.

Рита шлепала босиком: сапоги раскачивались за спиной. С болот полз плотный туман, холодил ноги, оседал на одежде, и Рита с удовольствием думала, как сядет перед разездом на знакомый пенек, наденет сухие чулки и обуется. А сейчас торопилась, потому что долго ловила попутную машину. Старшина же Васков вставал ни свет ни заря и сразу шел щупать замки на пакгаузе. А Рита как раз туда должна была выходить: пенек ее был в двух шагах от бревенчатой стены, за кустами.

До пенька осталось два поворота, потом напрямик, через ольшаник. Рита миновала первый и — замерла: на дороге стоял человек.

Он стоял, глядя назад, рослый, в пятнистой плащ-палатке, горбом выпиравшей на спине. В правой руке он держал продолговатый, туго обтянутый ремнями сверток; на груди висел автомат.

Рита шагнула в куст; вздрогнув, он обдал ее росой, но она не почувствовала. Почти не дыша, смотрела сквозь редкую еще листву на чужого, недвижимо, как во сне, стоящего на ее пути.

Из лесу вышел второй: чуть пониже, с автоматом на груди и с точно таким же тучком к руке. Они молча пошли прямо на нее, неслышно ступая высокими шнурованными башмаками по росистой траве.

Рита сунула в рот кулак, до боли стиснула его зубами. Только не шевельнуться, не закричать, не броситься напролом сквозь кусты! Они прошли рядом: крайний коснулся плечом ветки, за которой она стояла. Прошли молча, беззвучно, как тени. И скрылись.

Рита обождала — никого. Осторожно выскользнула, перебежала дорогу, нырнула в куст, прислушалась.

Срывается, вбегает на сцену, забывает сапоги, возвращается (показывает быстроту, желание скорее донести информацию и т.п.), вбегает в правую кулису, выбегает, стучит, кричит:

Осянина (*пробегая*): Товарищ комендант! Товарищ старшина!

Васков (*сонный, выскакивает, встрепанный слева*): Осянина? Что?

Осянина: Немцы в лесу!

Васков: Так. (*щурится*) Откуда известно?

Осянина: Сама видела. Двое. С автоматами, в маскхалатах...

Васков *Осяниной*: Команду – в ружье: боевая тревога! Бегом!

Рита убегает.

Васков: Думаю, надо ловить. Пока далеко не ушли.

Девочкам: Осянина пойдет старшей. И это... Стройте людей.

Осянина: Построены, товарищ старшина.

Девочки выходят на сцену.

Васков: Идем на двое суток, так надо считать. Взять сухой паек, патронов... по пять обойм. Подзаправиться... Ну, поесть, значит, плотно. Обуться по-человечески, в порядок себя привести, подготовиться. На все — сорок минут. Р-разойдись!

Васков (*машет рукой*): Эх, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта как зайцу курево, а уж вам-то... (*вздыхает*) Готовы?

Осянина: Готовы.

Васков: Заместителем на все время операции назначаю младшего сержанта Осянину. Сигналы напоминаю: два крика — внимание, вижу противника. Три крика — все ко мне.

Все засмеялись.

Васков (*улыбаясь*): Ну вот и взбодрились... (*Полине Егоровне*) Послезавтра вернемся. Крайний срок – в среду. (*бойцам*) Головной дозор, налево! Шагом марш!

Ведущая: Качается рожь несжатая,

Шагают бойцы по ней.

Шагаем и мы – девчата,

Похожие на парней.

Нет, этот горят не хаты –

То юность моя в огне...

Идут по войне девчата.

Похожие на парней.

*Кадры из фильма, смерть каждой девушки
Танец*

Тишина на сцене. Девушки по очереди.

Лиза. Первой погибла Лиза Бричкина. Болото... Последний кусок до сухой земли оставался. Огромный пузырь вспучился перед ней так неожиданно, что она рванула в сторону. Всего шаг в сторону, а ноги сразу потеряли опору. Тропа была где-то рядом – шаг, полшага от нее, но эти полшага уже было невозможно сделать. “Помогите! На помощь!..” Жуткий одинокий крик долго звенел над равнодушным ржавым болотом и взлетал к безоблачному майскому небу. Над деревьями медленно всплыло солнце, и Лиза в последний раз увидела его свет – теплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...

Лиза снимает пилотку, опускает голову.

Выходит Соня Гурвич.

Соня. Ждали немцы Соню Гурвич или она случайно на них напоролась? Бежала без опаски по дважды пройденному пути, торопясь притащить ему, старшине Васкову, забытый на пеньке кiset, махорку ту, трижды проклятую. Бежала, радовалась и понять не успела, откуда свалилась на хрупкие плечи потная тяжесть, почему пронзительной, яркой болью рванулось вдруг сердце. Нет, успела. И понять успела, и крикнуть, потому что не достал нож до ее сердца с первого удара... Две узких дырочки виднелись на Сониной гимнастерке: одна в грудь, другая пониже – в сердце.

Соня встает рядом с Лизой, снимает пилотку и опускает голову.

Выходит Галя Четвертак.

Галя. Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы. Васков успел, толкнул Галю Четвертак в кусты и шепнул: “Замри!” Сам за валун завалился, поймал ее взгляд – и словно оборвалось в нем что-то. Боится она. По-плохому боится, изнутри. Перед глазами Гали всплыло мертвое лицо Сони. Она физически, до дурноты, чувствовала тяжелый запах крови, и это рождало у нее тупой, чугунный ужас. А-а-а! Она выскочила из кустов, метнулась через поляну, наперерез диверсантам, уже ничего не видя и не соображая. Коротко ударил автомат. Последний крик ее затерялся в

булькающем хрипе, а ноги еще бежали, еще бились, вонзаясь в мох носками солдатских сапог.

Также встает рядом с Лизой и Соней.

Выходит Женя Комелькова.

Женя. Женька... Она всегда верила в себя... Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от раненой Риты Осяниной. Ни на мгновение не сомневалась, что всё окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несурзано и неправдоподобно умирать в девятнадцать лет. ...А немцы ранили ее вслепую, и она могла бы затаиться, переждать. Но она стреляла, пока были патроны. Стреляла лежа, уже не пытаясь убежать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились ее в упор, а потом долго смотрели на ее и после смерти красивое лицо

Встает рядом с девушками.

Выходит Рита Осянина.

Рита. Рита знала, что ее рана смертельна и что умирать она будет долго и трудно. Пока боли почти не было, только всё сильнее пекло в животе, и хотелось пить. Васков, уйдя в разведку, оставил ей наган, два патрона в нём, но всё-таки спокойнее с ним. Он скорее почувствовал, чем расслышал этот слабый выстрел. Рита выстрелила в висок, и крови почти не было. Синие порошинки густо окаймили пулевое отверстие, и Васков почему-то особенно долго смотрел на них

Подходит к остальным.

Последним на авансцену выходит старшина Васков.

Васков. Покачиваясь и оступаясь, Васков шел к избе, он знал, что там немцы. Сил уже не было. Он рванул дверь и крикнул: «Хенде хох! Лягайт!». Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один. Не вмещалось это в их фашистские мозги, и потому на пол легли, мордами вниз, и повязали друг друга ремнями. «Что, взяли? Взяли, да? Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро! А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете! Лично, каждого убью! А там пусть судят меня, пусть судят...» Тот последний путь он уже никогда не мог вспомнить. Колыхались впереди немецкие спины, сознание уходило от него,

и чудились ему в белесом мареве его девчата, все пятеро, а он всё время шептал что-то и горестно качал головой.

Встает, склонив голову и сняв пилотку вместе с девчатами.

Ведущая: (фон «Вокализ») Отряд погиб. Никто из этих девчонок не успел осуществить свои мечты, они просто не успели прожить собственную жизнь. Как разными были их судьбы, такой же разной у них получилась и смерть:

у Риты - усилие воли и выстрел в висок;

у Жени смерть была отчаянная и немного безрассудная, она могла бы спрятаться и остаться в живых, но не спряталась;

у Сони - удар кинжалом в поэзию;

у Гали – смерть пришла такая же болезненная и беспощадная, как она сама;

у Лизы – «Ах, Лиза-Лизавета, не успела, не смогла одолеть трясины войны...».

Мы уверены, что такие постановки просто необходимы, потому что именно они раскрывают и подчеркивают всю бесчеловечность войны. В наше беспокойное время эта тема как никогда актуальна и является предостережением нам.

Список литературы

1. Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие...», повесть. – Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1985. – 112 с.
2. https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library/stcenarij_spektaklya_a_zori_zdes_tihie_112216.html